

ДЖОН ГРИН
ДЭВИД ЛЕВИТАН

УИЛЛ
ГРЕЙСОН,
УИЛЛ
ГРЕЙСОН

Перевод с английского Юлии Федоровой

Москва

Глава первая

Когда я был маленьким, папа мне твердил: «Уилл, друзей можно выбирать и в носу можно ковырять — но нельзя ковырять в носу у друга». В восемь лет я считал это замечание довольно пронизательным, но потом оказалось, что оно неверно сразу в нескольких отношениях. Начать с того, что про возможность выбора друзей папа загнул, — сам бы я Тайни Купера не выбрал¹.

Тайни Купер хоть и не самый гейский гей и не самый великанский великан на свете, но, мне кажется, он самый великанский гей и в то же время самый гейский великан. Мы с Купером лучшие друзья с пятого класса, только вот всё последнее полугодие мы не общались: он плотно занялся всесторонним исследованием своей гомосексуальности и был занят по горло, а я впервые в жизни вступил в Компанию друзей, реальных таких друзей, которые в итоге приняли решение «никогда с ним больше не разговаривать» за два моих небольших прегрешения:

¹ Имя Та й н и созвучно с английским словом «tiny», то есть «крошечный». — *Примеч. перев.*

1. Когда кто-то из членов школьного совета распе-реживался по поводу того, что в раздевалке присут-ствуют геи, я отправил в школьную газету письмо, в котором попытался отстоять право Тайни Купера быть одновременно великаном (и, следовательно, лучшим нападающим нашей отстойной футбольной команды) и геем. И подписал его по глупости.

2. Один пацан из этой самой Компании друзей, Клинт, принялся обсуждать мое письмо в столовке во время обеда и по ходу назвал меня жопохрюком, а я не знал, что это слово значит, поэтому спросил: «В смысле?» — а он снова сказал, что я жопохрюк, и тогда я послал его на три буквы, взял свой поднос и ушел.

Формально, наверное, я *сам* покинул Компанию, но, по ощущениям, меня выперли. Честно говоря, мне кажется, я никому из «друзей» даже и не нравил-ся, но они у меня хотя бы *были*, а это тоже не пустяк. А теперь их не стало, и я лишился всяких социальных связей с ровесниками.

Ну, если, конечно, не считать Крошки Купера. А считать, полагаю, надо.

Ну так вот, через несколько недель после рожде-ственных каникул в предпоследнем классе сижу я на своем обычном месте в кабинете математики, и тут, пританцовывая, входит Тайни, командная футболка заправлена в штаны-чиносы, хотя спортивный се-зон давно уже закончился. Каждый раз ему каким-то чудом удается втиснуться за стоящую рядом парту, а я каждый раз поражаюсь, как у него это получается.

В общем, Тайни впрессовывается на свое место, я привычно удивляюсь, и тут он поворачивается ко

мне и громко (потому что в душе ему хочется, чтобы и остальные услышали) шепчет:

— Я влюбился.

Я закатываю глаза, он ведь каждый битый час влюбляется в какого-нибудь нового несчастного. И все его избранники одинаковы на вид: тощие, лоснящиеся от пота, загорелые; последнее особенно мерзко, потому что в Чикаго в феврале настоящего загара не добиться, а парни, которые мажутся автозагаром — плевать мне, геи они или нет, — просто клоуны.

— Ты такой скептик, — заключает Тайни, махнув на меня рукой.

— Не скептик, — поправляю я, — а реалист.

— Да ты вообще робот.

Тайни считает, что я не способен испытывать эмоции, как все нормальные люди, потому что я не плакал с седьмого дня рождения после просмотра мультлика «Все псы попадают в рай». Думаю, уже по названию следовало догадаться, что веселой концовки там не жди, но в свое оправдание могу сказать, что мне семь лет было.

Но с тех пор я не плакал. Просто не понимаю, какой в этом *смысл*. К тому же мне кажется, что почти всегда — ну, за исключением тех случаев, когда у тебя родственник умер или типа того, — этого можно избежать. Достаточно следовать двум очень простым правилам: 1. Ни из-за кого особо не парься. 2. Помалкивай. Все мои беды возникали тогда, когда я одно из них нарушал.

— Это настоящая любовь, я прямо *чувствую*, — продолжает Тайни.

Судя по всему, мы не заметили, как начался урок, так как мистер Эплбаум, который якобы преподает

математику, а на самом деле учит меня лишь тому, что страдания и боль надо переносить стоически, вдруг спрашивает:

— Что ты там чувствуешь, Тайни?

— Любовь! — повторяет он. — Я чувствую любовь.

Все поворачиваются к нему, одни смеются, другие гудят неодобрительно, и поскольку я сижу рядом, а Купер — мой лучший и единственный друг, смех и презрение и мне достаются. Вот почему я не выбрал бы Тайни Купера себе в друзья. Он слишком много внимания к своей персоне привлекает. К тому же патологически не способен следовать ни одному из двух моих Правил. В общем, Тайни ходит, пританцовывая, ему до всех есть дело, и он рта просто не закрывает, а потом удивляется, когда жизнь поворачивается к нему жопой. Само собой, чисто из-за того, что мы с ним все время рядом, она и мне показывает зад.

После урока я стою и пялюсь в свой шкафчик, задаваясь вопросом, как умудрился оставить дома красную букву «А»¹, и тут ко мне снова подходит Тайни, с друзьями из Альянса геев и гетеро, Гэри (гей) и Джейн (про нее не знаю — не спрашивал), и сообщает:

— Похоже, все решили, что на математике я признался в любви тебе. Я влюблен в Уилла Грейсона! Ну и дурацкая хрень, а?

¹ То есть знак позора. Вышитую алыми нитками букву «А» (сокращение от «адюльтер») пуритане Новой Англи обязывали носить на одежде всю жизнь женщин, обвиненных в супружеской измене. (См. роман «Алая буква» Натаниеля Готорна.) — *Примеч. ред.*

— Отлично, — отвечаю я.

— Люди просто тупы, — продолжает Тайни. — Как будто влюбиться — плохо.

На этих словах Гэри стонет. Если бы друзей можно было выбирать, я бы рассмотрел его кандидатуру. Тайни сошелся с Гэри, его парнем Ником и Джейн, когда вступил в Альянс, а я тем временем еще числился членом Компании друзей. Я Гэри едва знаю, я снова начал тусоваться с Тайни всего две недели назад, но пока похоже на то, что Гэри — самый нормальный из его круга общения.

— Есть разница, — замечает Гэри, — между тем, чтобы влюбиться, и тем, чтобы объявить об этом на математике. — Тайни намеревается что-то сказать, но Гэри его опережает: — Нет, не пойми меня неправильно. Ты имеешь полное право любить Зака.

— Билли, — поправляет Тайни.

— Подожди, а куда девался Зак? — Я был совершенно уверен, что на математике Купер о нем говорил. Хотя с того момента прошло сорок семь минут, так что он уже мог передумать. У Тайни было примерно 3900 дружков — с половиной из них он общался только в Интернете.

Гэри, который, похоже, не меньше меня удивлен появлением некого Билли, начинает тихонько ударять головой в стальную дверцу шкафчика.

Я поднимаю глаза на Тайни:

— А нельзя как-то унять слухи о нашей якобы любви? Это урезает мои шансы на отношения с прекрасным полом.

— Формулировка «с прекрасным полом» тоже не говорит в твою пользу, — подает голос Джейн.

Тайни ржет.

— Нет, а если серьезно, — продолжаю я, — у меня же вечные проблемы из-за этого.

Тайни в кои-то веки смотрит на меня серьезно и слегка кивает.

— Хотя, кстати сказать, — замечает Гэри, — Уилл Грейсон — далеко не самый страшный вариант.

— Да, бывало и похуже, — соглашаюсь я.

Тайни, хохоча, в балетном пируэте выпрыгивает на середину коридора и орет:

— Дорогие жители мира, я воспылил страстью вовсе не к Уиллу Грейсону. При этом, дорогие мои, вам следует знать и кое-что еще. — И тут он начинает петь, словно записной исполнитель с Бродвея, диапазон баритона Тайни такой же широкий, как и его талия. — Нет мне жизни без него!

Раздаются смех, радостные вопли и аплодисменты, и под серенаду Тайни я ухожу на английский. Топать и без того далеко, а когда останавливают по пути и интересуются, как мне анал с Тайни Купером и как удастся найти «крошечный член-карандашик» под Куперовым брюхом, выходит еще дольше. Реагирую я на это как обычно — смотрю в пол и поспешно шагаю вперед. Я понимаю, что народ шутит. Понимаю, что взаимоотношения не обходятся без издевок. У Тайни-то всегда имеется какой-нибудь блестящий ответ наготове типа: «Для человека, который теоретически не хочет интима со мной, ты как-то многовато рассуждаешь о моем пенисе». Может, ему эта стратегия подходит, а мне нет. Мне подходит заткнуться. И следовать своим Правилам. В общем, я молчу в тряпочку, забиваю на всех и иду куда шел, и вскоре все это заканчивается.

Последнее, что я сказал значимого, содержалось в том драном письме в газету по поводу драного Тайни Купера и его драного права быть драной звездой нашей драной футбольной команды. Я совершенно не жалею о самом письме, лишь о том, что подписал его своим именем. Это оказалось явным нарушением правила «Помалкивай», и вот до чего оно довело: во вторник после обеда я сижу один и внимательно изучаю свои черные «конверсы».

Тем же вечером, вскоре после того как я заказал пиццу себе и родителям, которые — как обычно — допоздна задержались на работе в больнице, мне звонит Тайни Купер и быстро-быстро шепчет:

— Предположительно, сегодня в Убежище снова выступят «Ньютрал Милк Хоутел», рекламы вообще никакой нет, никто не в курсе, это офигеть, Грейсон, просто офигеть!

— Офигеть! — вторю ему я в полный голос. Одно можно сказать в пользу Тайни: если где-то намечается что-то крутое, он всегда узнает об этом первым.

К слову, я вообще не часто прихожу в восторг, но группа «Ньютрал Милк Хоутел» в некотором смысле всю мою жизнь перевернула. Они в 1998 году выпустили совершенно потрясный альбом «В самолете над морем», но с тех пор от них совсем ничего не было слышно, предположительно потому, что их вокалист живет теперь в пещере в Новой Зеландии. Но он, в любом случае, гений.

— Когда?

— Не в курсе. Только что услышал. Я еще Джейн позвоню. Она почти такая же фанатка, как и ты. Так, слушай. Слушай. Выдвигаемся в Убежище сейчас же.

— Уже выдвигаюсь — в буквальном смысле, — отвечаю я, открывая дверь гаража.

Из машины я звоню маме. И говорю, что «Ньютрал Милк Хоутел» выступают в Убежище.

— Кто? Что? Ты убежал? — Вместо ответа напеваю несколько строчек из их композиции, и до мамы доходит. — А, да, знакомая песня. Она есть в сборнике, который ты мне записывал.

— Ага, — подтверждаю я.

— Но к одиннадцати надо быть дома.

— Мам, это же событие исторического масштаба. А история не знает комендантского часа.

— К одиннадцати чтобы был дома.

— Ну ладно. Блин... — бурчу я, после чего ей приходится идти и вырезать у кого-то там раковую опухоль.

Тайни Купер живет в особняке, и у него самые богатые на свете родители. Мне кажется, никто из них не работает, но они так безобразно богаты, что он даже не в особняке живет, а во *флигеле* — один. И у него там, блин, аж три спальни и холодильник, который всегда забит пивом, и родаки его никогда не донимают, поэтому там можно зависнуть на весь день, играть в футбол на компе, потягивая «Миллер лайт», только вот Тайни видеоигры терпеть не может, а я не люблю пиво, так что мы, как правило, играем в дартс (у него мишень есть), слушаем музыку, болтаем и делаем уроки. Я только успел произнести букву «Т» из его имени, а он уже вылетает из комнаты в одном мокасине — второй держит в руке — с криком:

— Едем, Грейсон, давай-давай!

По пути туда все идет превосходно. На Шеридан почти нет заторов, я маневрирую, словно участник гонки «Инди-500», играет моя любимая песня НМХ — «Голландия, 1945», потом я выезжаю на Лейкшор-драйв, волны озера Мичиган бьются о бульжники дорожной насыпи, окна приоткрыты, чтобы тачка оттаяла, и внутрь врывается бодрящий грязный холодный ветер — я просто обожаю запах города; Чикаго — это тошнотворная вода озера, сажа, пот и машинное масло, и мне все это до жути нравится, как и звучащая песня, и Тайни в свою очередь говорит: «Я ее *обожаю*», опускает зеркало и взъерошивает себе волосы, желая сделать прическу еще круче. Тут мне приходит в голову, что не только я увижу «Ньютрал Милк Хоутел», но и *они меня*, так что тоже бросаю единственный взгляд на собственное отражение в зеркале заднего вида. Рожа у меня какая-то чересчур квадратная, глаза слишком большие, как будто я постоянно чем-то удивлен, — но все нормально в том плане, что поправлять нечего.

Убежище — это захудалый бар, деревянная постройка, втиснутая между фабрикой и каким-то зданием министерства транспорта. Никаким стилем он похвастаться не может, тем не менее, даже несмотря на то, что сейчас всего семь, у входа собралась очередь. Мы с Тайни пристраиваемся в конец и ждем, когда нарисуются Гэри и, возможно, лесбиянка Джейн.

У нее под расстегнутой курткой оказывается футболка с треугольным вырезом и сделанной от руки надписью «Ньютрал Милк Хоутел». Джейн вошла в жизнь Тайни примерно тогда же, когда я из нее

выпал, так что мы с ней друг друга едва знаем. Тем не менее я бы сказал, что на данный момент она в моем списке лучших друзей занимает четвертое место, и, по всей видимости, у нее хороший вкус в музыке.

Мы все стоим на улице возле Убежища, холод такой, что уже все лицо застыло, Джейн здоровается, даже не глядя на меня, я ей коротко отвечаю.

— Группа просто гениальная, — говорит она.

— Ага, — киваю я.

Пожалуй, это наш с Джейн самый длинный диалог за все время нашего знакомства. Я легонько тюкаю носком грязный, усыпанный гравием тротуар, вокруг моей ноги поднимается миниатюрное облачко пыли, после чего я сообщаю Джейн, что мне жутко нравится «Голландия, 1945».

— А я люблю их вещи посложнее. Полифонические, нойзовые.

Я лишь снова киваю в надежде, что это выглядит так, будто прекрасно знаю, что значит «полифонический».

Есть у Тайни одна особенность: совершенно невозможно прошептать что-либо ему на ухо, даже если ты довольно высокий, как, например, я, потому что этот гад просто квадратный, два с половиной на два с половиной метра, поэтому для начала надо постучать по его громадному плечу, потом типа кивнуть, намекнув ему, что тебе кое-что шепнуть надо, после чего он к тебе наклонится, а ты скажешь:

— Слушай, а Джейн в вашем Альянсе геев и гетеро кого представляет, геев или гетеро?

А Тайни склоняется ко мне и отвечает:

— Не знаю. Мне кажется, у нее в прошлом году был парень.

Я напоминаю, что у него самого в прошлом году было около 11542 девушек, в ответ на что Тайни хлопает меня по руке, он-то думает, что в игривом жесте, а на самом деле это наносит непоправимый ущерб моим нервным окончаниям.

Гэри растирает Джейн руки, чтобы она не замерзла, и тут вдруг, *наконец-то*, очередь начинает продвигаться. Секунд через пять мы замечаем несчастного на вид парнишку, худенького-загорелого-блондинистого, во вкусе Тайни Купера, который, конечно, интересуется:

— Что случилось?

— Младше двадцати одного не пускают.

— Слышь, ты, — заикаясь, говорю я Тайни, — *жопохрюк* ты этакий. — Я до сих пор не понял, что именно это слово означает, но, по-моему, в данной ситуации более подходящее и не придумать.

Тайни поджимает губищи и хмурит бровищи. Потом поворачивается к Джейн.

— У тебя ай-ди-карта поддельная есть?

Она кивает.

— И у меня, — вставляет Гэри.

А я сжимаю кулаки, челюсти свело, хочется орать, но вместо этого говорю спокойно:

— Ну ладно, я тогда домой. — Ведь у *меня* поддельной ай-ди-карты нет.

Но тут Тайни очень быстро и очень тихо говорит:

— Гэри, когда я буду свою карту показывать, врежь мне что есть силы по морде, а ты, Грейсон, в этот момент входи сразу за мной, как будто ты с нами.